

РОССИЙСКИЕ «ПРЕДГЕРБЫ»

Передко в отечественной литературе, даже современной, утверждается, что гербы городов на Руси появились «в глубокой древности». Так ли это? В предыдущей главе объяснялось, что герб и получение городом прав и привилегий тесно связаны. На развитии русских городов и укреплении их политического строя негативно сказалось монголо-татарское нашествие. Их общественный строй не достиг такой зрелости, какой в XIV—XV вв. достигли города Западной Европы. Городское население Руси особых привилегий и прав не получило, а усилившаяся централизация власти, что было необходимо в условиях борьбы с захватчиками русской земли, привела к ликвидации даже намечавшихся зачатков самоуправления городов. Естественно, городские гербы как символы муниципальной автономии не могли здесь получить распространения.

Однако было бы неправильным отрицать, что в домонгольское время на Руси существовали эмблемы — возможные «прародители» городских гербов. Так, личным знаком владими́ро-суздальских и галицких князей был лев. Лев стал впоследствии главной фигурой в гербах Владимира и Львова. Можно привести и другие примеры церковных и светских эмблем Древней Руси, символика которых была хорошо понятна средневековому человеку. Развитие их задержалось, когда русские земли оказались под монголо-татарским игом, но совсем они не исчезли. Мало того, постепенно в русских княжествах появляется на монетах и печатях ряд изображений, из которых возникли общегосударственные эмблемы, олицетворяющие объединение княжеств под властью великого князя московского.

Две эмблемы выделились из массы изображений и были избраны для государственной печати Ивана III: всадник, поражающий копьём дракона, и двуглавый орел с распростертыми крыльями. Первая из известных русских печатей, где обе эмблемы изображены (одна — на лицевой, другая — на оборотной сторонах), привешена к грамоте 1497 г. Оттиснута печать на красном воске. Историк Н. М. Карамзин считал, что символика российского государственного герба берет свое начало именно от этой печати. Он да и многие другие дореволюционные историки предлагали следующую версию появления эмблем: в результате брака (1472 г.) Ивана III с Софьей (Зоей),

Государственная печать Ивана III:

а — лицевая сторона; б — оборотная сторона

примяницей последнего византийского императора Константина Палеолога, соединились два герба — Московского государства (всадник) и Византии (двуглавый орел). Об эмблемах герба Московского государства писал еще в XVIII в. историк В. П. Татищев. «Наших государей великих князей древнейший герб, — сообщал он, — всадник, т. е. воин на коне с саблею, как мы оный на старых деньгах находим... Истории же ни при каком случаи о гербе не воспоминают, потому неизвестно, когда и кем оной принят. Иоанн Великий, по наследию своея княгини Софьи, принцессы греческой, принял за государственный герб орел пластаный с опущенными крыльями и двумя коронами над главами, который и сын его употреблял». О принятии Иваном III герба из Византии Татищев, по его словам, прочитал «в старой истории Соловетскаго монастыря». Автор, видимо, сомневался в достоверности излагаемой им версии, подчеркивал, что «наши историки о гербах не воспоминают». Поэтому он признавал за исследователями право детальнее разобраться в вопросе о русском государственном гербе («о котором далее испытать оставляю более менее сведущим»), а также о составляющих его эмблемах.

Легендарные факты лежат в основе записи, сделанной о русском гербе Петром I: «Сие имеет начало свое от-

Изображение герба Русского государства рядом с портретом Василия III

туду, когда Владимир, монарх расийски, свою империю разделил 12 сынам своим, из которых Владимирские князи возымели себе сей герб с. Егория, но потом ц. Иван Ва., когда монархию, от деда его собранную, паки утвердил и короновался, тогда орла за герб империи росической принял, а княжеской герб в груди оного поставил». Здесь проводится мысль об исконности существования русской

эмблемы — всадника, поражающего копьём дракона, который Петром I назван святым Егорием. Интересно, что уже в XVI в. это изображение принималось иностранцами за герб Российского государства. В западноевропейских книгах рядом с портретом Василия III, сидящего на троне, помещался гербовый щит с изображением всадника, поражающего копьём дракона. Всадник показан раздетым, иногда — в виде Геркулеса в развевающемся плаще, а порой — в обычной одежде и без головного убора. Подпись к немецкой гравюре XVI в., где всадник в шлеме и воинском снаряжении колет дракона, гласит, что этот герб Великого княжества Московского (*Arma Magni Ducis Moschoviae*). Есть еще один вариант данного рисунка — скачущий на коне рыцарь топчет поверженного, поднявшего лапы дракона. В качестве герба «Московии» он помещен в европейском гербовнике XVI в. Возможно, для составителей гербовника образцом рисунка русского герба служили отчеканенные в Москве монеты. А на монетах, выпущенных до реформы 1534 г., кстати обращавшихся и после нее, контуры всадника были настолько расплывчатыми и мелкими, что иногда трудно определить, в какой он одежде. На некоторых же экземплярах одежда всадника и вовсе не вырисовывается. По аналогии с серебряными монетами многих западноевропейских стран, несущими изображение государственного герба, всадник на русских деньгах, естественно, мог также считаться гербом.

Сохранились отдельные сведения о восприятии в России в конце XV—XVI в. рассматриваемых эмблем как государственных символов. Так, в работе о русских гербах И. П. Сахаров сообщает, что Иван III «всадника на коне изваял из белого камня в большом виде» и велел поместить на открытом возвышенном месте близ нынешних Спасских ворот Московского Кремля. В записках немецкого опричника Г. Штадена есть упоминание о символическом изображении на воротах Опричного двора двуглавого орла с распростертыми крыльями и грудью, обращенной в сторону земщицы. Такой же орел помещался и на шнице построек этого двора. Двуглавый орел... Символ Российской монархии — вот как мы его сейчас воспринимаем. В этом качестве он был ненавистен еще прогрессивным деятелям XIX в. Поэт-демократ, основатель знаменитого сатирического журнала «Искра» В. С. Курочкин в стихотворении «Двуглавый орел» заклеил русского двуглавого орла как символ царского самодержавия, велико-

державной политики, угнетения трудового народа:

«Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол,
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый
Всероссийский наш орел».

Пророчество славного представителя передовой русской интеллигенции XIX в. нашло выражение в действиях революционных масс, сокрушивших в 1917 г. не только русский царизм, но и его эмблему — двуглавого орла, воспринимавшегося восставшим народом как символ старого мира, мира богатства и нищеты, господства и угнетения, неравенства и несправедливости. Отрицая старый мир, мы безоговорочно отрицаем и символ этого мира, каким для нас, граждан нового государства, является герб Российской империи. Однако если посмотреть на эмблемы, составляющие герб, как на памятники прошлого, возникшие в период образования Русского централизованного государства в качестве знаков его суверенности, то они предстанут перед нами несколько в ином свете.

Эмблемам, их символическому смыслу в средние века придавалось огромное значение. Особая роль отводилась знакам, олицетворяющим понятие государства, верховную власть государя, идею его господства над подданными. Среди государственных символов первенствовали эмблемы, составлявшие отличительный знак государства — его герб. При помощи эмблем он наглядно выражал идеи, господствовавшие в государственной политике в момент его установления, отражая ту или иную ориентацию правительства, внутригосударственные устремления, внешнеполитические замыслы... Как уже говорилось, с XVIII в. историки писали, что герб — двуглавый орел — пришел на Русь из Византии. Нередко встречаем упоминание об этом факте и в современной исторической литературе. Двуглавый орел выражал якобы преемственность власти, «заимствованной» московскими государями из Византии. Перешел в Москву и герб Византийской империи.

Однако, например, советский историк К. В. Базилевич сомневался в правильности объяснения факта появления двуглавого орла на Руси в результате женитьбы Ивана III на Софье. Еще ранее Н. П. Лихачев, изучавший русские и византийские печати, писал: «Если будет доказано положение, что Византия (так же, как и Римская империя) не знала государственной печати и на печатях

императоров по помечала геральдического двуглавого орла, станет очевидно, что Московское правительство не могло заимствовать непосредственно из Византии того, чего там не имела».

В современной западноевропейской литературе утвердилась версия: двуглавый орел не был государственной эмблемой Византии, т. е. не имел отношения к внешнему оформлению верховной власти, как это было во многих странах Западной Европы и в России. Доказательства? Исследованиям подверглись византийские монеты, печати, надгробия, щиты, одежда императорской охраны.. С одной стороны, двуглавый орел как герб нигде не фигурирует. С другой — специалисты признают возможность использования этой эмблемы, например, морейскими десантами, один из которых был отцом будущей супруги Анны III. В принципе же в Византии двуглавый орел употреблялся как украшение, орнамент, тогда как во многих западноевропейских странах он стал знаком господствующей власти, ибо использовался на монетах и печатах правителей начиная с XII в. В XIII в. эту эмблему хорошо знают в Западной Европе, откуда она попадает и в страны Южной Европы, в частности в Сербию и Болгарию. Что символизировал двуглавый орел? Силу, могущество, власть... Это так. Однако в определенный период в Западной Европе устанавливается четкое различие: одноглавый орел — это эмблема королевской власти, двуглавый орел — императорской.

Как видим, появление двуглавого орла на общегосударственной русской печати на фоне широкого применения этой эмблемы в Европе — не такой уж исключительный факт. Кроме того, есть предположение, что знакомство Руси с двуглавым орлом состоялось еще до создания печати, привешенной к грамоте 1497 г. Нечто похожее на двуглавое существо (возможно, орел?) встречается на русских монетах XIV в., на деньгах тверского князя Михаила Борисовича, пулах московских князей Василия II и Ивана III, новгородских, а также псковских пулах (медных мелких монетах).

Каким образом двуглавый орел появился на русских монетах? Вообще возможно, под влиянием южнославянских стран — оно ощущается в XIV — первой половине XV в. в литературе, иконописи, миниатюре, других сторонах культурной и общественной жизни. Известно и стремление московских государей считать себя наследниками сербских правителей, у которых двуглавый орел по-

лучил геральдическое значение уже в начале XV в. Однако Иван III принял двуглавого орла за государственный символ, как уже указывалось, только в конце XV в. Н. П. Лихачев связывает появление его на общерусской печати, а равно и составление государева титула с посольством императора Священной Римской империи в Москву. Объясняя основную причину появления той же самой государственной эмблемы, что и в Священной Римской империи, Лихачев подчеркивал, что Иван III хотел во всем равняться — и в титулах, и в формулах грамот, и во внешнем виде булл (здесь — круглая привесная печать) — цесарю и королю римскому.

Все же, кроме подражания, которое иногда проявлялось даже в мелочах (например, если император Максимилиан I вместе с различными подарками посылал Софье попугая, то в ответ получал кречета), в усвоении эмблемы, олицетворяющей высокое положение западных императоров, содержится вполне разумное стремление выразить равенство Руси с западноевропейскими странами. Известно, что западноевропейские монархи считали себя прямыми потомками римских императоров. И наряду с этим существовала уже в XV в. теория происхождения русских государей от императора Августа. Позднее, например, Иван IV указывал на этот факт в одном из посланий шведскому королю Юхану III: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа кесаря родством ведемся». Возможно, двуглавый орел был призван служить одним из подтверждений этой версии...

Другая государственная эмблема XV в. — всадник, поражающий копьем дракона. В современной советской литературе она трактуется как символическое изображение русского воина, защищающего родную землю от врагов. Однако это не объясняет, почему именно данная эмблема получила признание в качестве общерусского национального знака, почему ее поместил Иван III на государственную печать.

Изображение вооруженного всадника типично для XIII—XIV вв. и для княжеских печатей Западной и Восточной Европы. Вооруженного всадника можно встретить на печатях и монетах литовских князей, на польских печатях, на оборотной стороне западноевропейских королевских печатей. Среди изображений на русских монетах конца XIV—XV в. часто встречается всадник с копьём,

Изображение всадника, поражающего копьём дракона, на монетах Ивана III

мечом или соколом. Монеты с подобными сюжетами чеканили великие князья Твери, Москвы, князья, владеющие уделами (в княжествах Городенском, Кашинском, Галицком, Серпуховском, Можайском, Верейском, Дмитровском).

В конце XIV — начале XV в. среди монет с изображением всадника в Московском княжестве появляются экзотикалы, на которых всадник, держащий копьё, поражает или лежащий под ногами коня какой-то предмет, или голову дракона, или самого дракона. Постепенно всадник на московских монетах обретает детали, приближающие его к изображению на печати 1497 г.: развешивающийся плащ, извивающийся дракон, пронзенный копьём.

Близость всадника на печати образу популярного церковного святого Георгия-змееборца способствовала в глазах потомков (начиная с XVIII в.) объединению этих образов в одно целое, хотя в XVI—XVII вв. в многочисленных документах встречается вполне четкое толкование всадника как великого князя, царя или же наследника.

Култ святого Георгия проник в Киевскую Русь из Византии уже в X в., получив здесь широкое распространение. Но шло время, менялось идейное содержание об-

раза, менялась и его иконография. В XIV—XV вв. в русском изобразительном искусстве преобладал тип Георгия-змееборца. Такая трактовка образа пришла из княжеской среды, где святой Георгий выступал как покровитель князей, особенно в военных походах, и изображался в виде стоящего воина с копьем и щитом или копьем и мечом. Постепенно произошло изменение идейной трактовки этого образа. В сознании народа он превратился в доблестного воина, храброго рыцаря, защитника от зла. На литературный облик Георгия-змееборца повлияло устное народное творчество, былинные сюжеты о богатырях — защитниках русской земли. В условиях широкого распространения и популярности культа святого Георгия как заступника и защитника, всеобразного народного героя, московские князья использовали этот образ в качестве союзника и покровителя — для поднятия своего авторитета. К тому же традиция прочно связывала образ Георгия-воина с основателем Москвы — князем Юрием Долгоруким. Князь чтит святого Георгия как своего патрона. Он построил много церквей в его честь и даже основал город его имени.

Подобное почитание могло также исходить из идеи преемственности власти московских князей — через владимирских — от киевских, покровителем которых был Георгий-воин. Московские князья переносили на себя не только героические деяния популярного святого, но и его внешний вид. Отсюда и изображение на московских монетах, например, великого князя в виде всадника (без нимба, характерного для святого), поражающего копьем дракона. Для большей убедительности изображение сопровождалось буквами «К», «К-Н» — «князь».

Как видим, первые эмблемы единого Русского государства несут большую смысловую нагрузку. Их символика выражает, с одной стороны, древность происхождения власти великого князя московского, с другой — знатность русского государя, равенство с европейскими правителями, носящими титул императора. В начальный период, период становления, эти эмблемы сыграли важную роль в политике великого князя московского, укрепившего авторитет нового государства. Официальное описание герба Российской державы согласно геральдическим капонам и с соответствующей атрибуцией было сделано только в 1667 г. Двуглавый орел и всадник, поражающий копьем дракона, явились его основными составными частями.

Мы не случайно уделили такое большое внимание этим

Печать царского наместника в Ливонии 1564 г.

двум эмблемам, казалось бы не имеющим непосредственного отношения к теме нашей книги. Во-первых, прослеживая историю их появления и существования, можно хорошо себе представить, как из эмблем постепенно рождается герб. Во-вторых, в некоторых городских гербах (речь о них пойдет ниже) присутствует российский государственный герб или его часть. Откуда берет начало его символика? Читатель теперь осведомлен об этом.

С другими российскими территориальными эмблемами нас также знакомят сохранившиеся печати. До нашего времени их донесли в основном международные акты. Нередко расположение эмблем на печати, их подбор отражают специфику момента, в который они создавались, очень ярко. Так, эмблемы покоренных прибалтийских земель были использованы при изготовлении печати Ливонской земли, сделанной по приказу Ивана IV в 1564 г.: «а на печати клейно: орел двоеглавный, а у орла у правые ноги герб печать магистра Ливонского, а у левые ноги герб печать Юриевского бискупа; около же печати подпись: „царского величества боярина и Вифлянские

земли боярина и наместника и воеводы печать". Композиция рисунка — двуглавый орел, попирающий лапами эмблемы присоединенных прибалтийских земель, — не вызывает сомнения в предназначении печати: она напоминала о победе русского оружия в Ливонской войне. Через год, в 1565 г., также по приказу Ивана IV была сделана новгородская печать. Об этом сообщается в летописи, где имеется и ее описание: «место, а на месте посох, а у места с сторону медведь, а з другую сторону рысь, а под местом рыба». Высочайше указано было данной печатью «печатати грамоты перемирные с свейским королем Новугороду о перемирии и грамоты посыльные печатати о порубежных и всяких делах ко свейскому королю».

Большая государственная печать Ивана IV знакомит нас с эмблемами других русских земель (см. вклейку). 24 эмблемы (по 12 с каждой стороны) окружают двуглавого орла со всадником (на обратной стороне — единого), расположенным в центральной щитке на груди орла. В литературе их называют гербами городов. Так ли это? Приглядимся к данным «гербам» повнимательнее и увидим надпись «печать» вокруг эмблемы. Это означает, что перед нами не гербы, а печати, и не городов, а земель, областей, княжеств, царств. К тому же, как мы отмечали ранее, для герба характерна неизменность его рисунка, стабильность фигур и цветов. Если же изображения, помещенные вокруг двуглавого орла на печати Ивана IV, сравним с аналогичными изображениями XVII в., то обнаружим в последних иногда существенные изменения, несоответствие подписей ранее известной печати или эмблеме. Возьмем, например, смоленский герб. На печати Ивана IV надпись: «Печать великого княжества Смоленского», а эмблема — княжье место с лежащей на нем шапкой — позднейшего тверского герба. Или же подпись гласит, что перед нами тверская печать, а изображен медведь, которого затем мы видим в ярославском гербе; ярославская эмблема здесь — рыба. Подобная «перепутанность» вряд ли была бы возможна, тем более на государственной печати, если бы в Русском государстве XVI в. городские гербы официально существовали. Некоторые эмблемы, правда, составили главную часть образовавшихся гораздо позднее городских гербов, например новгородская, казанская, псковская, вятская. Но если гербы, пусть не городов, а земель, княжеств, на Руси в XVI в. не существовали, то, может быть, имелись печати

данных территорий, о чем, казалось бы, свидетельствует большая государственная печать Ивана IV.

Когда появились печати с подобными эмблемами? В отечественной литературе существовало мнение об их древности, особенно это говорилось о печатях Новгорода и Пскова.

Как показал Н. Г. Порфиридов, эмблемы известной печати — «вечевая степень» с лежащим на ней жезлом (посохом), — традиционно относимой к новгородской аристократической республике и известной якобы уже в XV в., на самом деле принадлежали не Новгороду периода независимости, а новгородским воеводам, назначаемым в Москве, в XVI—XVII вв. Это были «государевы» печати. Что касается степени и жезла (посоха), то узкоместными новгородскими и республиканскими эмблемами они не являются. В древнерусской символике это были издавна атрибуты власти вообще, в первую очередь княжеской и царской. Напрашивается вывод: действия центральной власти в отношении новгородской эмблемы были главенствующими, исходными. Появившаяся в 1565 г. и несколько позднее зафиксированная в большой государственной печати, эта эмблема затем могла продолжать существование на печатях новгородских воевод.

Автор известного труда «Русская геральдика» А. Б. Лакиер считал, что печать Пскова с изображением «барса» и с надписью «Печать господарства Псковского» «рапо образовалась». Конечно, зверь, изображенный на псковских печатях, назван «барсом» условно. Ведь ни в Новгороде, ни в Пскове не было знатоков геральдики, знакомых с правилами составления рисунка для монеты или печати. Н. П. Лихачев тщательно исследовал псковские печати и пришел к выводу, что печать с «барсом» — явление сравнительно позднее. Если это явление XVI в., то не следует ли приблизить его к моменту создания государственной печати? Тогда можно предположить, что именно с нее эмблема попала на псковскую печать, а не наоборот. Изображение зверя — эмблемы Пскова на печати Ивана IV — не имеет характерных признаков, позволивших бы видеть в нем барса. В XVII в. хищный зверь в окружении надписи «Печать псковская» назван рысью. Не исключено, что на печати Пскова, известной в XVI в., также должна была быть рысь. Кстати, звери, рыбы, птица с оттиска печати Ивана IV идентификации поддаются с трудом. До последнего же времени в литературе употреблялся не сам оттиск печати, а рисунок,

сделанный с оттиска. На этом рисунке по воле художника зверям, рыбам и птице были приданы более определенные черты, не всегда соответствовавшие подлинному изображению, и исследователи, работавшие с рисунком, а не с фотографией оттиска печати, интерпретировали животных по своему усмотрению.

Печать Казани также известна с XVI в. Еще Лакиер установил, что она была получена Казапью от русского правительства. Казанские воеводы привешивали печать с изображением коронованного дракона к различным документам. Сохранились грамоты с подобной печатью от 1596, 1637 и 1693 гг.

Возникновение большинства эмблем хронологически отождествляют с созданием государственной печати Ивана IV. Однако существует в литературе тенденция к удревнению корней некоторых эмблем — стремление вывести происхождение знаков из местных традиций. Под эту версию подходит, пожалуй, происхождение эмблемы Казани. В татарской легенде, рассказывающей об основании Казани, упоминается чудовище — змей, изгнанный по приказу царя Саина болгарского, о сожжении бывшего змеиного жилища: «Яко же преже сего на том месте вогнездися змий лют и токовище их, и воцарися во граде скверный царь...», «Быти от того (от сожжения змеиного логова.— *Н. С.*) велику смраду змиину по всей земли той, и проливающе впредь хотяще быти от окаяннаго царя злое содеяние проклятыя его веры срацынския».

Если учесть, что в русских литературных памятниках, а также в изобразительном искусстве с давних пор враг принимал образ чудовищного змея (аспида, василиска — в буквальном переводе «царек», «дракон»), то в данном конкретном случае хорошо объясним выбор казанской эмблемы. Страшный змей, дракон с короной на голове (корона — всегда олицетворение царя, царства — словом, высшей власти) — выразительный символ Казани, созданный, так сказать, не на пустом месте, а на основе подлинных (или легендарных) фактов. Эти факты были известны создателям эмблемы-печати. Их сохранила устная традиция или письменный памятник.

Возможно, какая-то литературная традиция была взята за основу и при воплощении Булгарии в виде идущего хищного зверя. Кстати, изображение Булгарии как самостоятельной территориальной эмблемы вызывает некоторое недоумение, ведь Булгария еще в XV в. вошла в состав Казанского ханства, растворилась в нем и в каче-

стве самостоятельной области в середине XVI в. не существовала. В том же письменном источнике, который содержал рассказ о казанском драконе, читаем и о Булгарии: «И наведе (царь казанский.— Н. С.) из-за Камы реки язык лют и поган, болгарскую чернь со князи их и со старейшинами и многу ему сущу, ибо подобну суровством и обычаем злым, песьим главам, самоедом». Такая литературная характеристика булгар может объяснить и изображение их в виде дикого зверя.

Аналогичные литературные свидетельства, на которые можно было бы опереться при расшифровке других эмблем печати Ивана IV, найти пока не удалось.

Трудно найти объяснение и предложить более или менее убедительное толкование рязанской эмблемы (конь). Напрашиваются различные соображения. Например, не является ли конь намеком на известное сказание о «вещем Олеге»? Образ рязанского князя Олега не оставлял равнодушными рязанцев. Также пока не объяснимы эмблемы: тверская (медведь), астраханская (пес, волк в короне), ростовская (птица). До сих пор неясно, почему на государственной печати Ивана IV изображены «печать великаго княжества Смоленского» в виде тропа с царской шапкой на сиденье, «печать ярославская» — в виде рыбы, а «печать великаго княжества Тверского» — в виде медведя. Может быть, эмблемы «перепутали»? Такое объяснение относится, скорее всего, к последующему периоду, когда, например, тверскую печать «перепутали» со смоленской (тверская эмблема в XVII в. представляла собой трон, на котором лежала корона) или пермскую — с тверской. Только что созданные эмблемы, разумеется, ни с чем «перепутаны» быть не могли.

Интерес вызывает и возникновение вятской эмблемы — лук со стрелой, нижегородской — в виде оленя (лося). Объясняли эти изображения некогда существовавшими здесь культами. Итак, дань традиции? Пресмысленность символики на протяжении столетий? Конкретно ответить на подобные вопросы пока невозможно.

Вообще, следует отметить, что русская феодальная символика, отражающая мировоззрение человека прошлого и раскрывающая закономерности его мышления, смысл поступков, до сих пор мало изучена. Ученые различных специальностей отмечают это и подчеркивают важность детальной расшифровки символизированного мышления наших предков. Печать Ивана IV, о которой говорилось выше, представляет собой прямо-таки сгусток символов.

Естественно, что толкование их может быть лишь предположительным прежде всего в силу невозможности абсолютного осознания современным человеком всех деталей, нюансов, моментов логики средневекового мышления. Правда, замысел создателей печати Ивана IV понять не так уж трудно — показать единство и количество земель, объединенных под властью московского государя. И сочинению эмблем и композиция печати были типичны для государственных печатей многих европейских стран той эпохи; медальоны с изображением гербов земель, входивших в состав государства, помещались вокруг общегосударственной эмблемы. Печать по своему типу напоминала западноевропейские королевские и императорские печати. Не надо забывать, что она скрепляла важные международные документы.

Почти все эмблемы на печати Ивана IV светского характера, как и в других странах Западной Европы.

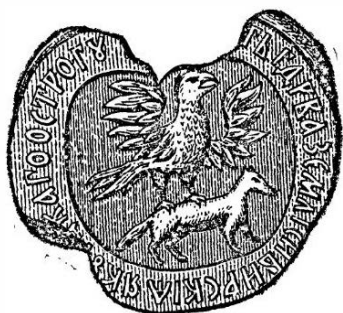
Между шестнадцатью эмблемами XVI в. и эмблемами, соответствующими тем же территориальным единицам в XVII в., полного тождества нет. На протяжении столетия эмблемы изменялись, находили «нового хозяина», иногда просто исчезали. Более того, эмблемы с печати Ивана IV в XVII в. практически не существовали. Исключение — дракон в короне, который ассоциируется с Казанским царством (а позднее становится гербом Казани), идущий олень с нижегородской эмблемы, московский всадник, копьем разящий дракона. Эмблема Астраханского царства, имевшая волка (пса?) в короне, теперь зверя «потеряла», осталась корона с лежащей под ней саблей. К началу XVII в. меняются и вятская (вместо лука — рука, выходящая из облака, держит лук), пермская (вместо лисы — медведь), ростовская (вместо птицы — олень), рязанская (стоящий вооруженный человек взамен коня), тверская (стул без спинки с лежащей короной — раньше был медведь), сибирская (вместо стрелы — два соболя перед кедром) эмблемы. Новгородская эмблема в течение XVII в. также подверглась изменениям, теряя и приобретая вновь отдельные компоненты. В росписи печатей царя Алексея Михайловича встречаем отличное от 1565 г. описание новгородской эмблемы: «В Великом Новгороде место, а на месте посох, под местом озеро да три рыбки». Ни о медведе, ни о рыси — прежних элементах эмблемы — не упоминается.

Белозерская, полоцкая, смоленская, черниговская, ярославская эмблемы в том виде, в котором они зафиксиро-

Печать Енисейского острога, приложенная к грамоте 1671 г.

Печать Красноярского острога, приложенная к грамоте 1644 г.

Печать Якутского острога, приложенная к грамоте 1682 г.

вапы на печати Ивана IV, в XVII в. не встречаются. Светский же характер их сохраняется.

Вообще, для Руси XVII в. очень характерно употребление светских эмблем. Их можно было увидеть на личных печатях, на печатях правительственных учреждений, на полковых знаменах. Немецкий путешественник, автор «Описания путешествия в Московию», А. Олеарий, побывавший в 30-е годы XVII в. в России, обратил внимание на знамена с красочными эмблемами на полотнищах. Он остался доволен такими Emblemate, однако заметил, что эти остроумные знаки были выполнены, конечно же, по указанию немецких офицеров, служивших тогда при русской армии. «Русские не горазды на подобные изобретения», — высокомерно заявил Олеарий.

Однако Олеарий ошибается. История сохранила немало свидетельств искусного исполнения знамен и прапоров с изображениями эмблем, выполненных русскими мастерами. Справедливости ради заметим: первые знамена, не похожие на старинные образцы, с «житейскими» изображениями появились еще во времена Михаила Федоровича и принадлежали иноземным полкам. Иноземцам предоставлялось право делать знамена по своим обычаям, «как ротмистр укажет сам». На этих знаменах в виде эмблем писали орла, грифа, льва, змею, химеру, надписи делались на латинском языке. И в то же время появляется знамя Войска Донского. В центре его — двуглавый орел, на груди которого «в клейме написан был государев образ на коне, колет змия». Кстати, «государственные» эмблемы — лев, единорог, — украшавшие царский троп, еще ранее, в конце XVI в., помещались на знаменах. Известно знамя, бывшее с Ермаком Тимофеевичем в сибирском походе: в середине полотнища — лев и единорог, готовые к бою.

При Алексее Михайловиче «житейские» изображения на знаменах начинают появляться чаще. Нам известен прапор боярина Василия Семеповича Волынского 1650—1680 гг., на котором помещен одноглавый золотой орел, терзающий дракона. На откосах прапора — химеры, держащие в правой руке зеркало, в левой — гребень. В Архиве московской Оружейной палаты сохранились описания прапоров XVII в. с некоторыми земельными эмблемами, например: астраханской — «змей с короною и с крылами», тверской — «престол с корупою, на коруне крест» и т. д. В той же описи паходим сведения о большом знамени царя Алексея Михайловича: «Знамя гербовное царя Алексея Михайловича, 1666—1678. Середина и откос из тафты белого цвета, кайма кругом знамени из малиновой тафты; в середине в кругу изображен двуглавый орел, коронованный двумя коронами и держащий в правой лапе скипетр, а в левой державу; в середине орла „царь на коне колет кописм змия“. По правую сторону орла, в клеймах гербы: повгородский, под ним — владимирский; по левую — казанский, под ним — киевский, под орлом вид Кремля со стороны Красной площади, под ним надпись „Москва“. Под ним — в правом углу астраханский, в левом — сибирский. На кайме у древка, в клеймах, написаны красками гербы: псковский, смоленский, тверской; по нижней кайме: пермский и вятский; в кайме откоса: болгарский, нижегородский,

рязанский, ростовский; под клеймами, в которых нарисованы гербы, сделаны другие клейма — поменьше». В них, внимательно приглядевшись, можно увидеть следы рисунков, напоминающих изображения городов.

На знамени также выписан полный титул государя, размещенный в клеймах. По верхней кайме откоса: «Б.м. в. г.о.с. ц. и в. кн. Ал. Мих. вс. В. и М. и Б. Р. сам.» Далее — в клеймах, расположенных в середине, над орлом и под гербами, написано: «Московский, киевский, владимирский, новгородский, царь казанский, царь астраханский, царь сибирский» и т. д. Известен и автор рисунка знамени — живописец Станислав Лопуцкий, которому «велено было на том знамени написать розных государств четырнадцать печатей в гербах». Он «расписывал» знамя вместе со своими учениками Иваном Безминовым и Дорофеем Ермолаевым. Знамя было «составлено» по именному указанию царя Алексея Михайловича. В 1669 г. живописцы Иван Мировский и тот же Лопуцкий опять-таки по повелению Алексея Михайловича писали для Коломенского дворца «клейма (гербы.— Н. С.) государево и всех вселенских сего света государств». Из письменных источников известно, что в том же году Станислав Лопуцкий изобразил на холсте герб Московского государства «и иных окрестных государств и подо всяким гербом планиты, под которым каковыя» и т. д.

Как видим, во вторую половину правления Алексея Михайловича эмблемы зачастую уже называют гербами. Как таковые гербы, конечно, были в это время известны хотя бы потому, что в Россию начали переселяться иностранцы с запада, прежде всего из Польши. Многие знатные фамилии имели родовые гербы. Им старалась подражать и русская знать. Эмблемы в виде гербов встречаются на перстнях, бытовых предметах, серебряной посуде и пр. Изображение эмблем в виде гербов можно видеть на царских вещах: 12 территориальных эмблем вышиты вокруг государственного герба на саадачном покрывце (покрывале), принадлежащем Михаилу Федоровичу (см. вклейку); ряд эмблем изображен на царских золотых тарелках. Это как бы элемент орнамента, украшения. Поэтому в изображении одной и той же эмблемы на различных предметах нет идентичности.

В 1672 г. появляется первый русский гербовник — Титулярник, образец искусства царского двора. Последний являлся проводником многих западных новшеств в русскую жизнь. К подобным новшествам относилось и ув-

Государственная печать Алексея Михайловича

лечение гербами. В упомянутом Титулярнике был записан полный государев титул. Он сопровождался миниатюрами, оформленными в виде гербов территорий — 33 герба царств, княжеств и земель, названия которых входили в царский титул (см. вклейки). Можно ли их назвать гербами? Видимо, лишь условно; скорее, это рисунки эмблем. Стилизация, присущая гербу, в них отсутствует, нарушается традиционная геральдическая ориентация фигур, геральдическая цветовая гамма. Есть и другая причина не считать эмблемы Титулярника гербами: они не выражали автономии областей и не олицетворяли их самоуправления. Тем не менее создатели Титулярника считали их гербами, что не очень противоречило общему взгляду на гербы во всей Европе, где распространилась «бумажная геральдика» и начинают возникать один за

другим общегосударственные гербовники. Эта мода достигла и русских земель.

Титулярник знакомит нас с новой ярославской эмблемой (на печати Ивана IV — рыба) — медведь стоит на задних лапах, держа на плече протазан (алебарду). В археологической литературе неоднократно сообщалось о культе медведя на Верхней Волге. Отражением этого культа можно считать знаменитую легенду об основании Ярославля, на месте которого князь Ярослав убил когда-то секирой медведя. Легенда отражена в «Сказаниях о построении града Ярославля». Когда был создан данный литературный памятник, точно сказать трудно, но, анализируя язык «Сказания...», ученые пришли к выводу — его нельзя отодвинуть «дальше XVII столетия». Это предположение объясняет отсутствие на печати Ивана IV ярославской эмблемы в том виде, в каком она зафиксирована Титулярником 1672 г.

К числу знаменитых эмблем Титулярника относится и владимирская эмблема — идущий коронованный лев держит в передних лапах длинный крест. Зверя, которого называли и леопардом, и барсом, и львом (он с трудом поддается идентификации), ряд исследователей считает родовым знаком суздальско-ростовских князей и даже их гербом. Но такое предположение вызывает обоснованные сомнения, ведь Владимирская Русь не знала гербов в полном смысле этого слова — установленных, узаконенных.

Еще одна значительная эмблема Титулярника — киевская. На ней изображен архангел Михаил с поднятым мечом и щитом. Высказывалось предположение о традиционности данной эмблемы. Ее происхождение связывали с печатью, относящейся к грамоте киевского князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Юрьеву монастырю. Другие же исследователи считали, что киевская эмблема имеет польское происхождение. Такой вариант вполне возможен: в XVI—XVII вв. изображение архангела Михаила встречалось на печатях некоторых польских городов.

Таким образом, XVII век дает нам следующую серию «территориальных» эмблем. Они стабилизируются, приобретают законченность в своем художественном выражении, значительно вырастает их количество. Однако гербовым изображениям впоследствии соответствует лишь часть эмблем, помещенных в Титулярнике 1672 г.

Итак, в XVII в., преимущественно во вторую половину правления царя Алексея Михайловича, Россия пере-

нимает модную западноевропейскую традицию — рисование гербов. Однако нет доказательств, что гербы в Русском государстве существовали на практике в качестве символов области или города. Например, несмотря на то что имелась новгородская печать, казалось бы, с общеизвестной эмблемой — вечевыми ступенями, новгородские воеводы употребляли для запечатывания официальных документов свои личные печати. Эмблема Пермской земли не помещалась ни на одной из печатей пермских городов XVII в. Документы, исходившие от воевод этих городов, снабжены их личными печатями. А ведь подобных фактов не должно было быть, если бы официально (или неофициально) жители города, в том числе и воеводы, познакомились с его эмблемой-гербом. На отсутствие гербов в русском обществе указывает подьячий Посольского приказа Г. К. Котошихин, бежавший в 1664 г. в Литву, а затем в Швецию и составивший по заказу шведского правительства сочинение о России: «А грамот и гербов на дворянства их и на боярства (царь.— Н. С.) никому не дает, потому что гербов никакому человеку изложить не могут...; также и у старых родов князей и бояр, и у новых истинных своих печатей нет, — да не токмо у князей и бояр и иных чинов, но и у всякого чину людей Московского государства гербов не бывает; а когда лучитца кому к каким письмам, или послом к посольским делам прикладывать печати, и они прикладывают, у кого какая печать прилучилась, а не породная». Вероятно, он не преминул бы упомянуть о городских гербах, если бы русские города их имели.

Подходит к концу XVII век. На русском престоле — царь Петр Алексеевич, будущий реформатор государства Российского. Не секрет, что немало изменений в устои русской жизни Петр внес после зарубежных поездок, стараясь обогатить традиции государства важными, на его взгляд, начинаниями. Заимствование опыта западноевропейских стран стало заметно сразу же по возвращении Петра после первого его путешествия за границу. Это касается, в частности, реформы монетного дела, выпуска памятных медалей, создания коллекций. Не оставили Петра равнодушным распространенность и популярность в Западной Европе XVII в. различных эмблем, символов и аллегорий. Любопытно, что на индивидуальные (личные) гербы — одну из модных традиций Запада — Петр смотрел скептически, особенно в первый период правления: не до гербов было царю. А вот наглядной, доступной

широким массам символике уделял должное внимание. Прежде всего речь идет о праздничных фейерверках, отличавшихся роскошью, блеском и помпезностью. Сохранились свидетельства очевидцев о торжественном входе русских войск во главе с царем в Москву 30 сентября 1696 г. Россия праздновала победу под Азовом. Дабы достойно отразить мощь русского оружия, в Москве были построены Триумфальные ворота на манер древнеклассических. Руководил празднеством иностранец А. А. Виниус, следуя указаниям Петра. Множество лавровых венков сопровождали процессию. Повсюду были выставлены аллегорические картины и подписи, гласившие о победе Константина Великого над Максенцием (античный сюжет), о подвигах Геркулеса и Марса, мало понятные для народа. Гораздо реалистичнее и доступнее были изображения завершившейся недавно битвы. Очевидец пишет: «На Каменном мосту Всесвятском, на башне, сделана оказа Азовскаго взяття, и их панам персуны написаны живописным письмом; также на холстине написано живописным же письмом, как что было под Азовым, перед башнею по обе стороны».

Грандиозен был и фейерверк 1 января 1710 г. по случаю победы в Полтавской битве. Среди множества праздничных атрибутов не остался незамеченным и такой: «В верхней части доски два транспаранта: 1) Юпитер, поражающий Фаэтона: „от возношения низвержение“, и 2) лев, висящий на цепи, над подушкой: „да знаешь правительствовати“. В нижней части длинный транспарант с надписью: „А: Гора каменная, являющая Швецкое государство. В: Лев, выходящей из-за оной горы, являл армею швецкую. С: Столп с короною являл государство Полское... Д: Другой столп с короною, являющей государство Росийское, к которому лев приблизился... Е: Потом явился орел для защищения оного столпа, являющей армею росийскую, и оного льва Перупом (или огненными стрелами) разшип с великим громом, потом и первой столп паки прям стал, являя избавление наше и возвращение короны королю Августу чрез оружие росийское“».

Подобные торжества служили весомым средством воздействия на общественное мнение во всей Европе: на фейерверки приглашались иностранцы, находившиеся в то время в русской столице. Датчанин Юст Юль, описывая поразивший его поводомный фейерверк 1710 г., подчеркивал: «Граф Пипер и прочие шведские генералы были приглашены смотреть на фейерверк, и для этого им от-

вели (особую) залу, где они стояли и на все смотрели».

Для сочинения эмблем, девизов, организации фейерверков царь содержал специальных людей, посылая доверенных лиц за границу для обучения приготовлению фейерверков, нередко сам являлся их автором. Особое внимание Петр обращал на изготовление фигур и толкование символов фейерверка. Появлялись печатные издания фейерверков, триумфальных шествий, различного рода «почтенные листы». Приведем фразу, выражающую особый взгляд Петра I на устройство фейерверков (речь, видимо, шла об использовании крупной денежной суммы): «Лутчеб те милионы на ферверк издержаны были... нечто б дивное и памяти достойная вещь была, и народ в тот час великой плезир имел».

При Петре I становится традицией чеканить памятные и наградные медали. В аллегорической форме с помощью символов они увековечили доблесть русской армии, победоносную внешнюю политику Петра I, события внутренней жизни государства. Многие рисунки сопровождаются разъяснительными и поучительными надписями. Наряду с аллегорическими изображаются и реальные события. Нередко сам Петр принимал участие в разработке некоторых медальных тем и композиций. Живое участие царя в создании памятных медалей объясняет их большие выпуски и способы распространения. Русское правительство систематически рассылало медали иностранным дворам и раздавало их в презент иностранным министрам для пропаганды успехов и побед России.

Наградные медали служили целям агитации и пропаганды. Массовое награждение медалями с изображением фрагментов того или иного сражения участников данной баталии служило, пожалуй, одним из лучших средств патриотического и воинского воспитания.

А что же территориальные эмблемы? При Петре I они получают широкое распространение, становясь элементом идеологической политики правительства. Украшают официальные документы — жалованные грамоты Петра I, которые выдавались русским и иностранным вельможам. К тому же территориальные эмблемы занимают прочное место на петровских печатях. В дневнике австрийского дипломата, автора «Дневника путешествия в Московию», И. Г. Корба помещен рисунок государственной печати России. На нем изображен коронованный двуглавый орел, на груди и крыльях которого расположены семь территориальных эмблем. Вокруг орла в овальных щитах изобра-

встречается изображение эмблем на крыльях российского орла. А. В. Арциховский предполагает, что выбор этих изображений был сделан самим Петром.

В коллекции Государственного Исторического музея хранится серия матриц для печатей с изображениями территориальных эмблем на крыльях орла, а также вокруг него. Эти печати были вырезаны русскими и иностранными мастерами по приказу Петра I.

В годы правления Петра земельные и областные эмблемы постепенно превращаются в городские. В 1692 г. появился первый документ, подтверждающий, что эмблемы областей являются одновременно и городскими. Царский указ предписывал в Ярославской приказной избе «быть печати изображенном герб ярославской». Из дела «О устройении городу Ярославлю печати по гербу с надписью» видно, что за основу бралась эмблема Ярославского княжества, помещенная в Титулярнике. Но, согласно царскому указу, на печати, кроме царского титула, должна была быть надпись: «Печать града Ярославля». Это означает, что эмблема княжества стала городской, получила официальное название «герб», который поместили на печати города. Возможно, указ свидетельствовал о предоставлении Ярославлю особых привилегий? Есть факты, подтверждающие особое внимание государя к Ярославлю. Не исключено, что данный указ был частицей огромной работы, проводимой Петром по упорядочению государственного и местного аппарата, его делопроизводства. Петр неоднократно обращал внимание на оформление официальных документов, в частности на создание и использование печатей. Примеры тому — роспись сибирских печатей, приложенная к наказу таможенному голове города Верхотурья, указ от 9 декабря 1696 г. об изготовлении казенной печати Сибирского царства, указы 1699 г. о создании печатей для бурмистерской палаты и ратуши. В указах оговаривалось и изображение на печатях: «печать, на которой знак: весы» (печать бурмистров), «знак: весы из облака в держащей руке, да зрительное око, а кругом подписать: „правда на нюже око державствующаго зри“» (на печати ратуши); указ «О бытии в Военной коллегии печати по Генеральному регламенту», указ «О сделании новой государственной печати», а также, что для нашей темы особенно важно, указ о печатях для местных судебных учреждений, на которых должны были помешаться гербы городов.

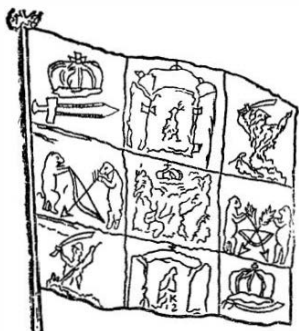
В начале XVIII в. в России сформировалась стройная

Печать Сибирской губернии. 1710 г.

система размещения полков петровской армии. Повлиял этот процесс и на развитие городской символики. В 1708 г. Россия была разделена на восемь губерний с приписанными к ним городами. Каждая губерния содержала свои полки. Внутри губерний полки размещались по городам и почти все получили названия городов, некоторые — губерний. А вместе с названиями полки получили и эмблемы городов, областей, которые изображались на полковых знаменах.

Сам царь Петр Алексеевич пробовал свои силы в сочинении гербов для знамен и флагов. В его записной книжке имеются карандашные рисунки — наброски двух флагов. На одном — флаг с государственным гербом, окруженным цепью только что утвержденного ордена Андрея Первозванного. Другой флаг более интересный: полотнище разбито на девять квадратов, в каждом из которых — эмблема города, или земельная, или государственная. Пожалуй, впервые встречается здесь эмблема Архангельска — архангел на коне поражает копьём дьявола, так называемая «говорящая». Впоследствии рисунок был несколько изменен и утвержден в качестве герба города Архангельска.

Рисунки флагов из
записной книжки Петра I

Печать Симбирска под
выписью с переписных
и отказных книг 1695 г.

С 1712 г. повые знамена стали изготовляться в Оружейной палате и отсюда рассылаться в полки (см. вклейку). В качестве городских эмблем использовались уже известные, а также вновь созданные. Кроме шестнадцати эмблем Титулярника и отраженных в дневнике Корба (напомним: киевская, владимирская, астраханская, новгородская, псковская, вятская, пермская, нижегородская, рязанская, казпская, сибирская, тверская, ростовская, ярославская, черниговская, смоленская), на новых знаменах изображаются эмблемы полков: Новотроицкого, Троицкого, Архангелогородских, Ингерманландских, Вологодских, Белогородского, Воронежского, Симбирского, Каргопольского, Тобольских, Шлиссельбургского, Невских, Нарвских, Азовских, Луцких, Бутырского, Лефортовского, Саксонского, Санкт-Петербургского, Галицкого,

Ямбургского, Копорского, Выборгского, Олонецкого, лейб-регимента. У городов, указанных в этом списке, эмблемы появились впервые. Интересный факт: изображены на печатях, если они имелись у некоторых городов, не принимались во внимание при составлении эмблем. Например, на «печати государевой го[рода Си]мѣбирьскаго» 1695 г. вырезан лев с мечом в левой передней лапе, над ним — корона. На знаменах же Симбирского пехотного полка эмблемой служит колопна под короной. Эта эмблема впоследствии превратилась в герб Симбирска, а печать с изображением льва использовалась в Симбирске еще в XVIII в. независимо от созданного герба. Аналогично на знаменах Тобольских полков изображалась оружейная пирамида со знаменами и барабаном, в то время как на печати Тобольска по росписи 1692 г. помещены «два соболя, меж ними стрела». На основе знаменной эмблемы создается и герб Тобольска.

Получается, у одного города существовали одновременно различные эмблемы! Объяснить такое явление несложно: постоянный символ — герб — у города отсутствовал. Создание таких постоянных символов только началось.

Что касается художественного исполнения изображений на знаменах, то они были, конечно, далеки от строгой геральдической формы. Многие из них напоминают аллегорические рисунки. На знаменах Владимирских полков под ногами стоящего льва с крестом (официальной эмблемы города Владимира) появилась шкура убитого «свейского» льва. Другие эмблемы нарисованы еще более произвольно и лишь отдаленно напоминают эмблемы Титулярника (например, на тверской эмблеме вместо престола с короной видим пирамиду под золотой короной). Эмблемы изображались без гербовых щитов — основного атрибута любого герба.

Земельные эмблемы, украшавшие жалованные грамоты, тоже изображались весьма произвольно. В жалованной грамоте Ф. В. Шилову, полковнику Изюмского полка, на повгородской эмблеме нарисованы только престол со скипетром: ни медведей, ни рыб нет. На смоленской эмблеме осталась стреляющая пушка — птица отсутствует. На грамоте князю Г. Ф. Долгорукову псковский барс и пермский медведь обращены вправо, на грамоте гетману И. И. Скоропадскому — влево. Список «негеральдического» изображения эмблем можно было бы продолжить...

Итак, в первые десятилетия XVIII в. городские эмблемы России весьма «негеральдичны» с точки зрения канонов геральдического искусства Западной Европы, использование которых превращало рисунок в герб. Городские гербы еще не вступили в стадию широкого развития и повсеместного распространения, хотя этот вопрос привлекал в определенной степени внимание царя и его окружения.

Знаком геральдического искусства был, например, сподвижник Петра I, образованнейший человек своего времени Яков Вилимович Брюс. Петр I обращался к нему по поводу правильности с точки зрения геральдики рисунка герба адмирала Ф. М. Апраксина. В 1707 г. царь писал Брюсу: «При сем же посылаю печать господина адмирала, чтоб вы посмотрели: буде что не так, чтоб, по правя и написав на бумаге, ко мне прислали немедленно». В сохранившемся ответе Брюса на письмо государя подробно объясняются сделанные им изменения фигур и цветов согласно геральдическому искусству.

Впоследствии именно Брюс рекомендовал на должность составителя гербов Франциска Сапты.